

ЛАОВАЙ

ТЕТЯ, КОТОРАЯ ЖАРИТ КАРТОШКУ С МЯ-
ТОЙ • ДРУЖБА С КИТАЙЦАМИ • МИНИ-
МАЛИЗМ И ЖЕЛТАЯ СТЕНА • ХОЛОДНЫЙ
ОКТАБРЬ В КУНЬМИНЕ И РЕШЕНИЕ БОЛЬ-
ШЕ НЕ ПЛАКАТЬ

Сколько лет вы планируете прожить? Если вы женщина со средней продолжительностью жизни, проживете 75 лет. 75 лет — это 900 месяцев. 75 лет — это примерно 27 393 дня. Мне 24, я уже прожила 8766 дней. То есть, если я умру в 75, осталось всего 18 627 дней. Я уже не говорю о мужчинах. У них средняя продолжительность жизни 64 года.

Так мало дней, а я сегодня весь день занималась уборкой. У меня осталось всего 18 627 шансов увидеть что-то невероятное, почувствовать что-то особенное. Вместо этого я сижу на полу и собираю стекло от пивной бутылки после вчерашней вечеринки.

На улице уже темно. Внутри меня — желание сделать что-то приятное. После заката солнца я еду кататься на велосипеде по тихому холодному октябрьскому городу.

ЛАОВАЙ

На перекрестке со мной здороваются тетя. Тетя, или 阿姨*, — это китайская женщина, которая продает жареную картошку на улице. Она тащит за собой неизвестно кем смонтированное устройство, где к велосипеду припаян газовый баллон. На конфорке стоит сковорода. На старом, неизвестно откуда купленном масле тетя жарит картошку. Когда она готова, тетя высыпает ее в маленький металлический тазик и тщательно смешивает с солью, моносодиум глутаматом**, чили, сычуаньским перцем, чесноком, кетчупом, кунжутным маслом и мятой.

Это напоминает мне процесс замешивания еды для свиней в детстве, когда я наблюдала за бабушкой. Моя бабушка ежедневно кормила свиней. Помню, как тайком ела в сарае свиную картошку — мелкую и кругленькую, — она была вкуснее сваренной дома для людей. Тетя, видимо, тоже так считает, потому что жарит исключительно маленькую круглую картошку и только для людей. Ну или для того, кто заплатит три юаня.

Я люблю жить в Китае, потому что он пахнет особенно. Я живу в 3000 километров от Пекина, но и здесь такой же запах на улицах. В Пекине тетя жарит уже не картошку, а блинчик, но схема та же.

Здесь всегда шумно, и с первого взгляда кажется, что везде — хаос. Возможность твоего глаза быть выколотым зонтом во время дождя нельзя рассчитать с по-

* 阿姨 — тетя (пер. с кит.).

** Моносодиум глутамат — пищевая добавка Е621, «усилитель вкуса».

мощью теории вероятностей — в Китае не работают никакие теории.

Я люблю запах китайских сигарет и искренние улыбки на лицах людей. Говорят, китайцы боятся «потерять лицо» (то есть достоинство) и поэтому никогда не показывают негативных эмоций, всегда контролируя себя. Я не знаю, как они ведут себя в обычной жизни, но когда они видят меня, то полностью искренне и с интересом улыбаются, ведь я «лаовай» — иностранка. Они всегда сравнивают мою кожу со своей и говорят: «Ты такая беленькая», даже если я только что вернулась с тропических островов и моя рука на три тона темнее их. Они живут в пузыре своей культуры и не понимают многого для меня очевидного. Но я могла бы позавидовать их детскому и непосредственному восприятию мира.

Китайцы, где вы? Все, кроме нескольких тетей, уже спят дома. Завтра новый день и новая борьба за существование.

А я дальше еду по улице.

Я думаю о своей подруге Вейвей, которую месяц тому назад бросил парень. Этот шотландец мне никогда не нравился. Он много пил, много спал и очень мало времени проводил с Вейвей. Да и то время, между нами, было не очень *quality time**. Она все плачет и плачет. Я ведь говорила, что китайцы как дети. В своем

* *Quality time* (англ.) можно перевести как «время, когда ты уделяешь полное внимание происходящему и ценишь каждое мгновение».

ЛАОВАЙ

стремлении слиться в одно целое с коллективом они не видят конца. Когда у вас появится друг-китаец, не удивляйтесь, если он будет звонить вам по десять раз в день. Вы подписались на дружбу, ничего уже не поделаешь.

Однажды я познакомилась с китайским парнем в пекинском метро. Он любезно предложил отвезти меня к месту назначения. Целый час ехал в ненужную ему сторону до моей станции, несмотря на то что я хорошо знала дорогу. Когда он попросил мой номер, я продиктовала: планировала практиковать с ним разговорный китайский. Я вообще всегда даю всем свой номер, а уже потом решаю связанные с этим проблемы. Если вам будет скучно в Куньмине*, заходите в Куньминский педуниверситет. Я, скорее всего, буду сидеть там на траве перед корпусом и пить кофе. И скорее всего, дам вам свой номер.

Я почему-то надеялась, что вежливый парень из метро никогда не позвонит. Он не только звонил каждый день, но и писал мне СМС, когда я притворялась, что не слышу звонка. Он напоминал мне одеваться теплее, потому что на улице холодно. Во время очередного его звонка я попросила своего ученика-китайца взять трубку. Он ответил и сказал, что это его номер. О чудо, звонки прекратились! Ура, думала я. Но нет, недавно пекинский парень нашел меня в мессенджере Wechat, где я имела неосторожность зарегистрироваться по своему номеру телефона. Видимо, теперь я избав-

* Куньмин — современная столица провинции Юньнань.

люсь от него только после смерти. Я буду умирать и думать: «Классно, что тот парень из метро до меня больше никогда не дозвонится».

Вернемся к Вейвей. Мама сказала ей не привозить шотландца домой на китайский Новый год в следующем году, если они не поженятся. Он об этом узнал. У него сразу «прихватило почку», и он сбежал в Шотландию. Правда, всего лишь на неделю. Теперь он вернулся и дальше пьет в баре на углу Культурного переулка каждый день. Культурный переулок — это место в Куньмине, где собираются выпить кофе и алкоголь иностранцы, в частности шотландцы. Я знаю два вида шотландцев — которые не пьют и постоянно работают, и те, кто всегда в барчиках в переулке во время happy hour*.

Через несколько месяцев наступит Новый год. Кого же Вейвей повезет домой? Она закрылась у себя в квартире, из которой предварительно вынесла всю мебель (она принадлежала шотландцу). Сидит теперь на матрасе на полу. Ищет, кому сдать комнату, чтоб дешево платить за квартиру. Вейвей сказала, что не будет больше держать дома никакого хлама — никаких деревянных статуэток, газет, молотков и чего-то, что пригодится года через два.

Она застелила матрас белой простыней и сбоку на стене примонтировала три полочки. На одной из них будут книги, которые она должна прочесть за год и раздать друзьям после этого. На второй лежит вся

* Happy hour (англ.) — время скидок.

ЛАОВАЙ

техника и зарядки к ней. На третьей — сережки, жемчуг и ожерелья. Вейвей очень любит цветной жемчуг, маленький и большой. У нее есть даже бусы с Майорки. Рядом с полками — шкаф с одеждой. Стены покрашена в белый цвет и только одну напротив матраса — в желтый. Сказала, что будет сидеть на матрасе и смотреть на нее.

Матрас, полочки, шкаф и белые стены — все это напоминает мне палату в больнице. Я говорю ей, что пора ехать в горы и перестать плакать. Она говорит, что найдет новую работу и все изменится. Я предлагаю ей хотя бы повесить картину на стене, а Вейвей отвечает:

— Надо быть минималистом. Если тебя окружает слишком много деталей, ты не увидишь большую картину, не осознаешь своей главной цели.

— А какая у тебя цель? — спрашиваю.

— Не знаю, но буду сидеть здесь, пока не увижу.

— Как по мне, все просто: он убежал от тебя, потому что испугался ответственности. Это неудивительно, ты ведь сама иногда боишься собственных родителей. Другое дело, что в тебе появилась пустота. Найди, чем бы ты могла ее заполнить, и проблема решится сама по себе.

— А секс? — спрашивает Вейвей.

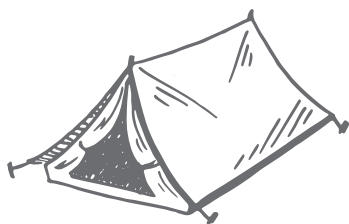
— А что «секс»? Без него тоже можно выжить. Я живой тому пример.

Ох эта Вейвей со своим минимализмом.

Через два дня она звонит мне. Говорит, что мы едем в горы с палатками на выходные. Я только рада, но за-

ЛАОВАЙ

чем, скажите, спать в палатке в такой холод? Я и дома сплю, как в палатке. На улице ноль градусов, отопления в Куньмине нет, а одинокое стекло в окне шатается от ветра. Я накрываюсь спальником сверху одеяла и включаю электропростыню. Вейвей обещает: если мы будем спать в палатке, она перестанет плакать на все выходные.

ЗАТЕРЯННЫЕ В ГОРАХ

ГОРЫ, В КОТОРЫХ МОЖНО БЫЛО БЫ СНИМАТЬ ФИЛЬМЫ О КУНГ-ФУ • ПЕКИНСКАЯ ОПЕРА • ЖЕЛАНИЕ ПОКУРИТЬ И ИДЕЯ ПОМОЛЧАТЬ • НАПАДЕНИЕ МНИМЫХ МЕДВЕДЕЙ • ОКочЕНЕВШИЕ ПАЛЬЦЫ И ЛЕС, КОТОРЫЙ ПАХНЕТ ГРИБАМИ

Едем мы в горы. Добираемся ночным поездом, а утром по прибытии в первом же магазине покупаем лаосское пиво. В Китае пиво не очень крепкое и почти безвкусное, но нам повезло жить рядом с лаосской границей. Здесь у нас продают главный продукт Лаоса — пиво. Мы сразу решили, что маленькой бутылки нам не хватит, берем по 0,6. Я, как всегда, пьянею после первой же бутылки, и Вейвей ведет меня за собой. С самого начала маршрута мы находимся на высоте 1500 метров. Здесь изначально, скажу вам честно, нежарко. Чем выше мы поднимаемся, тем холоднее становится воздух.

Нужно пить дальше, чтобы не замерзнуть. У нас есть китайский алкоголь на травах, «Цзинцзиу». Мы медленно поднимаемся в гору и отхлебываем понемногу из бутылочки. Неожиданно из ниоткуда появляются два израильских парня под разлогим деревом. Они варят кофе! Путешествующие израильяне всегда берут с собой два необходимых атрибута путешествия — газовую горелку и мешок для воды. Я смеюсь, когда вижу это опять и опять в разных уголках Китая, но от кофе никогда не отказываюсь. Парни оказываются приветливыми. Они угощают нас горячим напитком. Пока все мы сидим на бревне в ряд и передаем друг другу металлическую чашку с кофе, они советуют нам, как лучше карабкаться и где остановиться на ночь.

Я раньше ходила уже в эти горы, но это было летом. Тогда не было пасмурно. Сейчас воздух очень свежий, листья на дереве немного пожелтели, чашка приятно греет руки, и мне очень не хочется ее отдавать. Мы встретимся с израильянами завтра внизу, а пока нам пора идти вверх. Вейвей сворачивает с тропинки и идет внутрь густого леса. Над головой у нас подъемник. Когда я интересуюсь, куда это мы, Вейвей жестом показывает следовать за ней. Оказывается, мы приехали сюда собирать марихуану.

В провинции Юньнань везде растет дикая конопля. Все наши знакомые собирают ее в горах и курят. Уйгуры, которые в других регионах Китая торгуют травкой, у нас продают лапшу. Ведь рынок тяжелых наркотиков уже занят бирманцами, а дичку все и так собирают сами, без помощи уйгуров. Когда я говорю «все»,

ЛАОВАЙ

я не имею в виду поголовно всех жителей провинции Юньнань, только тех, кто курит травку. Например, Вейвей. Она бережно держит растение в руке и показывает мне шишки, которые нужно собирать. «Сено или листья можно не брать», — объясняет Вейвей. Я чувствую себя ребенком, мне вспоминаются времена, когда мы всей семьей ездили на майские праздники сажать картошку в деревне, а в конце августа — собирать урожай.

Теперь моя жизнь не имеет ничего общего с сельским хозяйством. Картошку я покупаю жареную у тети, а Вейвей использует меня для сбора травы. Мне как-то все равно, что она там собирает. Я стою на обрыве и вдыхаю свежий холодный воздух. Мне хочется летать. «Обязательно полечу в этом году», — мысленно обещаю себе. Уговариваю Вейвей идти дальше. Она продолжит собирать урожай завтра по дороге вниз. Я иду вперед, Вейвей сзади. Теперь она поет.

Когда-то Вейвей поехала в Пекин изучать в университете Пекинскую оперу. Она была талантливой студенткой, но неожиданно забеременела на втором курсе. Пришлось бросить университет. Беременная Вейвей переехала на юг Китая в Куньмин, чтобы быть поближе к своей семье, и нашла работу официанткой в одном из баров Культурного переулка. После у нее случился выкидыш. Ее мама сказала, что это либо Будда, либо Иисус, либо Аллах — кто-то точно благословил ее и избавил от нежеланного внебрачного ребенка, на что Вейвей ответила, что ребенок был желанным, и начала тайком ненавидеть собственную

мать. Врач сказал Вейвей, что она не может больше иметь детей. Она долго плакала и никому никогда не рассказывала об этом происшествии. И только когда мы с ней подружились два года тому назад, Вейвей открыла мне свою тайну.

Я не люблю Пекинскую оперу, но пение Вейвей очень меня успокаивает. Она поет, а я плету венок из желтых листьев. Мы идем дальше. Наша тропинка, скорее всего, превращается в горный ручеек, когда идет дождь. Хорошо, что сейчас нет дождя. В этот момент как будто начинает темнеть, или скоро начнется дождь, или у меня просто кружится голова от выпитого, но я решаю, что пора уже где-то ставить палатку.

Мы оказались непредусмотрительными хозяйками и не взяли в поход никакой еды, кроме семечек подсолнуха. В Китае они крупные, темно-серые в белую полоску и громко щелкают, когда раскусываешь. У меня тихо булькает в животе. Вейвей читает вслух отрывок из «Сиесты» Хемингуэя, убеждая меня, что нам тоже необходимо куда-то так съездить. Еще бы почитала «На дороге» Керуака. Не понимаю, зачем писать книги о том, как ты бухаешь всю дорогу, и от этого у тебя кружится голова, и ты забываешь о собственных детях. Говорят, Керуак писал эту книгу под психостимуляторами. Теперь тысячи обрыганов под наркотой читают его ежедневно и восхищаются.

Мы допили китайский алкоголь на травах и съели две упаковки семечек. Теперь нам кажется, что медведи и волки скоро (в шесть вечера) выйдут на охоту. Расставив палатку и расстелив наши скромные спаль-